

НИКИТА СТОЛПНИК ПЕРЕСЛАВСКИЙ: ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ И ИКОНОГРАФИЯ ОБЩЕРУССКОГО СВЯТОГО В КОНЦЕ XV – XVI в.

Хорошо известно, что процесс формирования системы царской власти в русском государстве конца XV – XVI в. сопровождался созданием обширного общенационального пантеона русских святых, выступавших в роли духовных столпов новой государственности. Эта проблема в последние десятилетия находится в центре внимания исследователей. Большинство святых, удостоенных общерусской канонизации при царе Иване Грозном и митрополите Макарии, уже достаточно давно чтились церковно в своих городах или епархиях, и установление их почитания на территории всей страны было длительной и сложной процедурой, результатом соединения усилий церкви и светской власти. К сожалению, реконструирование исторических обстоятельств становления общегосударственных культов наиболее чтимых местных святых нередко бывает затруднено по причине недостатка источников. Счастливым исключением из этого правила является Никита Переславский, ранние иконы, шитые лицевые изображения и редакции Жития которого дошли до нашего времени. Все это вкупе с другими источниками позволяет предпринять исследование особенностей его культа в указанный период.

Никита Переславский принадлежит к числу немногих общерусских святых, почитание которых было установлено, вероятно, до Макариевских соборов 1547–1549 г. Когда жил Никита Столпник, в точности неизвестно. Еще Е. Е. Голубинский полагал одинаково возможным как XII, так и XIII в. [Голубинский, 1903, с. 75–76]. Никита Переславский подвизался в монастыре, основанном в память великомученика Никиты Воина (Никиты Готского) в XI или XII в. [Сукина, с. 15–23]. Ранняя редакция жития святого датируется приблизительно концом XIV – началом XV в., а первая попытка обретения мощей связывается с митрополитом Фотием (1410–1431 г.) [Ключевский, с. 35]. В церковном календаре Никитин день приходится на 24 мая (6 июня).

Видимо, по стечению обстоятельств Никита Переславский, даже несмотря на необычность для средневековой Руси его монашеского подвига, редко привлекал внимание исследователей русской святости. В XIX в. подробности его жизни и почитания интересовали, в основном, местных священников-краеведов [Тихонравов, с. 95; Свирелин; Ильинский]. Сведения о нем содержатся также в «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) [Макарий, т. 3, с. 56–58; т. 6, кн. 1, с. 218; т. 8, кн. 3, с. 35–36] и аналогичном труде Е. Е. Голубинского [Голубинский 1904, с. 762]. В новейшей отечественной историографии образ Никиты Переславского рассматривается в контексте специфики религиозности царя Ивана Грозного [Мельник, с. 67–69].

Большей известностью пользовалось его Житие, неоднократно упоминавшееся в работах историков русской агиографии [Ключевский, с. 32–36; Барсуков, с. 393–396; Кадлубовский, с. 108–125; Кунцевич]. Автор статьи о Житии Никиты Переславского в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» Н. В. Понырко, тем не менее, справедливо отмечала, что научных изданий его текстов не было [Понырко, с. 309]. Этот недостаток в последнее время частично восполнен благодаря исследованиям М. А. Федотовой, которые сопровождаются публикацией отдельных списков Жития разных редакций или их фрагментов [Федотова 2004, с. 289–300; 2005, с. 309–331; 2007, с. 366–383]. Житие Никиты анализируется как исторический

источник в контексте других памятников русской агиографии, связанных с созданием Степенной книги, и в недавно опубликованных трудах А. С. Усачева и А. В. Сиринова [Усачев, с. 219–221; Сиринов, с. 81–84]. Народная традиция почитания Никиты Переславского и трактовки его Жития исследована А. Б. Мороз [Мороз, с. 431–468].

Рост интереса к агиобиографии Никиты Переславского у широкой аудитории любителей русской старины и православных верующих на рубеже XX–XXI в. был спровоцирован возрождением в 1996 г. Никитского мужского монастыря в Переславле-Залесском и новым обретением мощей Столпника [Станюкович, с. 108–111]. Большими тиражами издаются и переиздаются современные популярные редакции его Жития, в том числе адаптированные для детского чтения. В первом десятилетии нового века фигура Никиты Переславского привлекла внимание даже обществоведов как «модель» поведения «слуги государева» эпохи домонгольской Руси [Петрунин, с. 61–72].

В последние годы появилось много икон Никиты Переславского, написанных современными иконописцами. Часть из этих новейших образов активно тиражируется типографским способом для продажи в храмах. Но ранний период становления иконографии Никиты Переславского практически не изучен. В настоящей статье мы рассмотрим типы иконографии Никиты Столпника, сложившиеся на начальных этапах его почитания, в контексте развития его культа в государственном масштабе.

Традиция почитания Никиты Переславского при московском великокняжеском дворе начала складываться, вероятно, еще при Василии I и митрополитах Киприане и Фотии¹. Но первые сведения об иконе Никиты в Московском Кремле относятся к последней четверти XV столетия. В описи кремлевского Успенского собора XVII в. указано, что в его иконостасе 1481 г. наряду с московскими святителями были и святые ростовской епархии Леонтий Ростовский и Никита Переславский².

Детали иконографии этого образа Никиты Столпника неизвестны. Но, вероятно, уже тогда сложился наиболее распространенный (поясной) вариант его изображения, зафиксированный в иконописном подлиннике XVIII в.: «...подобием стар и сед, брада подоле Власиевой, вельми бела, на конец узка и раздвоилась, от брады с левой стороны косм долог, мало не до пояса, на главе клобук лазоревый со кресты, ризы преподобнические...»³.

Дальнейшее развитие придворного культа Никиты Переславского в первой трети XVI в., вероятно, связано с богомольными походами Василия III в Переславль-Залесский, основной целью которых было обретение долгожданного наследника великокняжеского престола⁴. Одновременно монастырские власти делают все возможное для укрепления местного почитания Никиты Столпника как целителя. У его гроба постоянно совершаются чудеса.

Около 1515 г. произошло чудо с дьяконом одной из переславских церквей Евстафием, лишившимся рассудка и излеченным от этого тяжелого недуга наложением вериг Никиты Столпника, хранившихся в монастыре. В благодарность Евстафий, впоследствии принявший

¹ Великий князь Василий Дмитриевич уделял Переславлю особое внимание. Около 1403 г. на его средства было предпринято обновление городского Спасо-Преображенского собора, для которого в это время придворными мастерами была написана новая храмовая икона «Преображение», ныне хранящаяся в ГТГ [Антонова, с. 22–25; Вздорнов, с. 275–276]. Известны и вклады Василия I в переславский Горицкий монастырь, видимо, связанный в это время с митрополичьей кафедрой (АСЭИ. М., 1952. Т. 3. С. 53, 57, 130–131, 323). Об участии митрополита Фотия в «открытии» мощей Никиты Переславского уже упоминалось выше.

² Описи Московского Успенского собора от начала XVII века по 1701 год включительно // РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 409, 413–414. Примеч. 1. См. также: [Толстая, 1979, с. 16; 1992, с. 62; Клевцова, с. 49].

³ Сводный иконописный подлинник XVIII века. По списку Г. Д. Филимонова. М., 1874. С. 353. Подобным образом иконография Никиты описывается и в других иконописных подлинниках [Маркелов, с. 180].

⁴ Согласно М. И. Смирнову, Василий III четырежды совершал богомольные походы в Переславль-Залесский: в 1510, 1516, 1525 и 1528 г. [Смирнов, с. 356].

монашеский постриг и ставший игуменом Борисоглебского монастыря в Переславле, построил церковь (вероятно, деревянную) возле монастырских ворот, на том месте, где, согласно преданию, Никита перед своим уходом в монахи трое суток каялся всем входящим в обитель в своих грехах. На месте кельи, где подвизался святой в монашестве, Евстафий поставил деревянный крест [Ильинский, с. 7, 34–35]. Ни храм, ни крест не упоминаются ни в каких других источниках, кроме Жития Никиты Переславского. Видимо, они существовали недолго.

В сказании о чуде с Евстафием упоминается надгробная икона Никиты Переславского. Этот образ — первое, на чем смог сосредоточить свой взор несчастный дьякон, пробудившись от сна своего безумия после долгого стояния перед могилой Никиты в деревянном соборном храме Никитского монастыря. Лицезрение лика святого вызвало в нем благоговейные слезы [Ильинский, с. 34].

Можно предположить, что в этот период в почитании Никиты Столпника, выходящем за пределы Переславля, были заинтересованы и принимали деятельное участие в распространении культа святого Даниил Переславский, бывший тогда настоятелем местного Троицкого монастыря, и митрополит Варлаам, неоднократно благословлявший различные мероприятия, связанные с прославлением Никиты. Никитский монастырь привлекает к себе внимание не только крупных переславских вотчинников (например Слизневых), но и удельного князя соседнего Углича (в 1521 г. Дмитрий Иванович Углицкий, родной брат великого князя Василия III, дал «в Переславль в Никитский монастырь к Никите чудотворцу сельцо на Угличе» [Ильинский, с. 8]).

После четвертого богомольного похода Василия III в Переславль, состоявшегося в 1528 г., в переславских Горицком и Никитском монастырях появились первые каменные храмы. Предпочтение, оказанное великим князем именно этим двум монастырям, вероятно, можно объяснить давними связями первого из них с митрополичьей кафедрой и почитанием во втором Никиты Переславского. Церковь, построенная в Никитском монастыре, сохранилась до нашего времени в качестве южного придела Никитского собора середины XVI в. Н. Н. Воронин отмечал, что она представляет собой «весьма интересный в условиях монастыря храм» и принадлежит к распространенному в Москве начала XVI в. «типу маленьких бесстолпных одноабсидных церквочек, крытых сомкнутым сводом с распалубками» [Воронин, с. 30]. Следы прежнего изящного трехлопастного покрытия храма до сих пор отчетливо читаются на его фасадах, надстроенных для согласования объема церкви с огромным Никитским собором. В формах этой постройки Н. Н. Воронин был склонен усматривать в том числе и проявление эстетических представлений ее заказчика, великого князя Василия III: «Строитель гигантского столпа церкви Вознесения в Коломенском, московский государь в удаленном монастыре поставил интимную капеллу, наглядно показав всю сложность и противоречивость вкусов своей эпохи» [Воронин, с. 30]. Выражал ли Василий свою волю по поводу того, как должен был выглядеть храм, построенный в Никитском монастыре по его «обещанию», неизвестно. Современная Никитской церкви постройка в Горицком монастыре не сохранилась, что не дает нам возможности провести сравнение. Однако маленький, но изящный храм, формы и архитектурные детали которого выдают руку одаренного и опытного зодчего, даже с современной точки зрения соответствует функции дара великого князя монастырю, к чьим святыням он приезжал с надеждой вымолить долгожданного наследника престола. Любопытно, что тот самый наследник, о котором молилась великокняжеская семья перед гробом Никиты Переславского, Иван IV, видимо, велел во время строительства нового собора во что бы то ни стало сохранить церковь своего отца и обратить ее в придел Никиты Столпника.

Несомненно, в монастырской Никитской церкви, построенной около 1528 г., должна была находиться и икона Никиты Переславского. Но ни она сама, ни упоминания о ней не сохранились.

В середине XVI в. почитание Никиты Переславского приобрело действительно общегосударственное значение⁵. Оно было связано с личным отношением царя Ивана Грозного к святому. В это время появляются новые редакции Жития Никиты (одна из них, так называемая Основная, приписывается известному книжнику XVI в. митрополиту Афанасию, другая составлена игуменом Никитского монастыря Вассианом) с описанием прижизненных и посмертных чудес, наличие которых было необходимо как для официальной канонизации, так и для повсеместного прославления святого [Понырко, с. 307–310]⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что первым посмертным чудом в Основной редакции Жития был рассказ о попытке митрополита Фотия выкопать мощи святого. Внезапно поднявшийся воздушный вихрь вновь засыпал раскопанные мощи, что могло расцениваться как указание свыше на несвоевременность и неправомочность этого действия. Напомним, что и в середине XVI в. мощи Никиты Переславского продолжали находиться под спудом.

Примечательно, что в Основную редакцию вошла повесть «О царском хождении по святым местам и о царских чадех их, и чудо о воде святого Никиты», а в Вассиановскую — «Повесть о свершении церкви большия в Никитском монастыре», связанные с Иваном Грозным и его семьей. В первом из упомянутых произведений рассказывается о том, что посещение Никитского монастыря способствовало успокоению царской четы после потери младенца — царевича Димитрия Ивановича, а в результате молебна у гроба Никиты Столпника последовало рождение нового наследника — Ивана Ивановича. О том, что второй сын Ивана Грозного находился под особым покровительством Никиты, свидетельствовало чудо, случившееся на втором году жизни царевича. В его присутствии сама собой закипела вода, привезенная из выкопанного святым колодца близ Никитского монастыря. В повести из другой редакции Жития речь идет о строительстве и украшении на средства Ивана Грозного монастырского Никитского собора. В ней также описывается обряд освящения храма в 1564 г., в котором принимали участие сам царь, царица Мария Темрюковна и митрополит Афанасий. Эта повесть, дополняющая наши знания о порядке освящения церкви, донатором которой выступал сам царь, к сожалению, редко привлекается в качестве исторического источника⁷. Никитский собор, так же как и построенная одновременно с ним Благовещенская церковь, сохранился до нашего времени.

Несомненно, укрепление и распространение культа Никиты Переславского, придание ему общегосударственного характера сопровождалось дальнейшим развитием его иконографии. В этом процессе участвовали лучшие художественные силы того времени, о чем свидетельствует текст Вассиановской редакции Жития: «...И приказалъ государь царь и вѣликий князь Иоаннъ Васильѣвич игумѣну обитѣли тоя ждати себѣ на освящениѣ цѣркви. Прѣди же себѣ приказалъ со игумѣномъ образы послати во обитѣль чудотворцѣву, в цѣрковь христова мучѣника Никиты дѣисусъ и праздники и пророци и праотцы и мѣстныя иконы (выделено мной. — Л. С.) все серѣбромъ обложѣны и златомъ оукрашѣны и прѣдъ своимъ царскимъ шѣствиемъ иконописцовъ и мастѣровъ пославъ... и вся оустрояти по чину лѣпоты цѣрковныя и образы и паникадила и подсвѣшники и свѣты поставныя и книгами и прочими многими наполняшѣ и драгою оутварью и сосуды сѣрѣбряными и позлащѣнными и судари, пѣлѣнами

⁵ Истории прославления Никиты Переславского в эпоху Ивана Грозного посвящена сравнительно недавняя статья А. Г. Мельника [Мельник, с. 67–69], поэтому в данной работе мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе.

⁶ Несмотря на неоднократное обращение специалистов к редакциям Жития Никиты Переславского, вопрос их авторства требует отдельного исследования.

⁷ Одна из редакций повести была опубликована М. Н. Тихомировым: Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря / Публ. М. Н. Тихомирова // ТОДРА. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 251–256. Но ее текст на протяжении бытования Вассиановской редакции Жития подвергался редактированию и нуждается в специальном текстологическом исследовании.

и покровы и прѣстоы украшати бархаты и камками златыми и бысть по существу ѿже рѣчено во святомъ писании, яко нѣвѣсту Христову украси или яко зѣмноѣ нѣбо просия свѣтолучными зарями, от ѿпоты божѣствѣнныхъ иконъ сияющи»⁸.

Сохранившиеся от этого времени памятники лицевого шитья позволяют судить об основных типах иконографии Никиты Переславского, сложившихся в кругу царских изографов. Происхождение этих произведений традиционно связывается с мастерской царицы Анастасии Романовны.

В первую очередь, это покров «Никита Переславский» 50-х годов XVI в. из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника⁹. Вероятно, о нем идет речь в Житии Никиты Столпника, где описывается, как царица «своима руками и благолѣпными своими труды вышила на плащаницѣ... драгой камьки венеитцкой образъ великого чудотворца Никиты... и на раку чудотворцеву положила»¹⁰. На покрове Никита изображен в рост, облаченным в темно-синий монашеский куколь и коричневую мантию. Борода — седая, слегка раздвоенная на конце. Кисть правой руки поднята на уровень груди, пальцы сложены в именованном жесте. В согнутой в локте левой руке — свернутый свиток. Это — древнейший из дошедших до нашего времени покровов Никиты Переславского. Примерно в это же время в мастерской царицы были вышиты покровы на раки Кирилла Белозерского и митрополита Ионы. И хотя все три покрыва, как отмечала Н. А. Маясова, отличаются индивидуальными чертами и, вероятно, были выполнены разными художниками и вышивальщицами [Маясова, с. 34–36], можно предположить, что изготавливались они с одной целью — отблагодарить святых покровителей царской семьи за помощь в появлении на свет нового наследника, царевича Ивана Ивановича.

В «Повести о свершении церкви» упоминается, что в ходе церемонии освящения Никитского собора 14 мая 1564 г. царь Иван Грозный и царевич Иван вновь «покрывы на гробницу чудотворцеву полагаше»¹¹. Имелся ли в виду тот же самый покров вкупе с вероятно существовавшим более древним, или же специально к торжествам был изготовлен новый, неизвестно. Еще один сохранившийся покров с гробницы Никиты Переславского был вложен в Никитский монастырь сто лет спустя (в 1657 г.) боярином Иваном Даниловичем Милославским и его женой Екатериной Федоровной, а в XVIII в. «реставрирован» Натальей Петровной Стрешневой (Яковлевой), супругой генерал-аншефа Петра Ивановича Стрешнева¹².

Из Никитского монастыря происходят и две шитые двусторонние хоругви середины XVI в., ныне хранящиеся в Переславль-Залесском музее-заповеднике¹³. На одной из них вышиты «Богоматерь Одигитрия» (один из характерных иконографических типов Богородицы, распространенных в эпоху Ивана Грозного) и «Никита Великомученик». На другой — «Благовещение» и «Никита Великомученик и Никита Преподобный». Монастырское предание также связывает эти хоругви с вкладом царицы Анастасии Романовны [Ильинский, с. 12].

Объединение в одном произведении «Благовещения» и изображения молящихся Троице Никиты Великомученика и Никиты Переславского отсылает к описанию одного из новейших чудес преподобного в Основной редакции его Жития. В 1553 г. молебен у гроба Никиты Столпника в Никитском монастыре утешил царскую чету, только что потерявшую сына Димитрия, и принес им благою весть о зачатии царицей нового наследника. Эта хоругвь — самый ранний из известных нам примеров изображения Никиты Переславского как молитвенника, чье обращение к Троице или Христу (в более позднем варианте этой иконографии, где Никита

⁸ РНБ. ОЛДП. Q. 634 (нач. XVIII в.). Л. 14 об. — 15 об.

⁹ Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Инв. № 2155-В.

¹⁰ РНБ. Собр. Погодина. № 1612 (кон. XVII в.). Л. 29.

¹¹ Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря. С. 253.

¹² Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. № 1150. См. также: [Ушаков, с. 267; Братко, с. 23, 26].

¹³ Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. № 1713; 1714.

изображен один, встречающемся в шитой пелене XVII в. из Никитского монастыря¹⁴) обладает действенной силой, о чем свидетельствуют чудеса, добавленные в середине — второй половине XVI в. к обеим редакциям Жития.

В цитированном выше фрагменте «Повести о свершении большия церкви Никитского монастыря» говорится, что Иваном Грозным было вложено в обитель Никиты Столпника много икон письма московских мастеров, в числе которых были и местные образы. Конечно, среди них находились и иконы с изображением Никиты Переславского. Их иконография в тексте источника не уточняется. Вероятно, ни одна из них не сохранилась. Но иконографические типы изображения Никиты Переславского в эпоху Ивана Грозного известны по другим памятникам иконописи этого времени, дошедшим до нас.

Вероятно, наиболее распространенной была уже упоминавшаяся нами иконография поясного изображения Никиты в монашеском облачении, широко бытовавшая и в последующее время. Образцом этой иконографии является небольшая икона конца XVI в. из собрания Ярославского художественного музея¹⁵. На ней Никита изображен согласно установленному канону. Ладонь его правой руки раскрыта и обращена к зрителю. В левой руке он держит развернутый свиток с надписью: «Владыко Христе црю / помилуй ради яко во/зведи оугря/знувша(го)». Происхождение иконы неизвестно, но авторы каталога музейного собрания считают ее привозной [Горшкова, Федорчук, с. 32]. Возможно, этот образ был приобретен кем-то из жителей Ярославля конца XVI столетия во время паломнической поездки к гробу Никиты Переславского.

Во второй половине XVI в. складывается и иконография житийных икон Никиты Переславского. Самым ранним из известных нам житийных образов святого является икона из собрания Переславль-Залесского музея-заповедника, происходящая из Покровской церкви Переславля¹⁶. В среднике находится поясное изображение Никиты Переславского, аналогичное в иконографическом отношении описанному выше. Средник первоначально окружали 16 клейм. В дальнейшем значительная часть красочного слоя вместе с левкасом и паволокой была утрачена, и в настоящее время уверенно можно определить композиции пяти верхних клейм, трех боковых (находящихся слева от средника) и одного нижнего (в левом нижнем углу иконной доски). В верхнем ряду расположены сцены, связанные с принятием Никитой монашеского пострига: «Припадение Никиты к ногам игумена Никитского монастыря с молением о пострижении», «Трехдневное публичное покаяние Никиты возле монастырских ворот», «Мученическое сидение Никиты в комарином болоте», «Введение Никиты монастырской братией в стены обители», «Пострижение в иноки». В боковых клеймах изображены эпизоды затворнической жизни Никиты и творения им прижизненного Чуда исцеления: «Воздвижение Никитой кельи-столпа и моление Преподобного перед иконой Никиты Великомученика», «Обращение к Никите боярина Федора — дядьки черниговского князя Михаила», «Возвращение Михаилом Черниговским Никите его делительного посоха». Последнее сохранившееся клеймо — «Погребение Никиты Переславского в Никитском монастыре».

Несмотря на значительные утраты, все же можно с высокой долей вероятности реконструировать иконографическую программу этого житийного образа. Скорее всего, в ее основу был положен текст Основной редакции Жития. Об этом свидетельствует включение в нее Чуда о исцелении князя Михаила Черниговского, изображению которого были отведены

¹⁴ Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. № 1703. Н. Н. Ушаков ошибочно относил эту пелену также к вкладам царицы Анастасии Романовны [Ушаков, с. 265]. Но анализ особенностей стиля изображения и техники шитья показывает, что это произведение не могло быть выполнено ранее XVII в.

¹⁵ Ярославский художественный музей. Инв. № И-571. 31,5×25,3 см.

¹⁶ Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. № 10414. 102×132 см.

четыре клейма, расположенные слева и справа от средника. Рассказ о Чуде содержится именно в Основной редакции. Она же, по мнению М. А. Федотовой и А. С. Усачева, была использована составителем «Степенной книги» в повествовании о Михаиле Черниговском [Федотова 2004, с. 294–295; 2005, с. 311; Усачев, с. 219–221]. А. С. Усачев связывает редактирование данного фрагмента текста «Степенной книги» с деятельностью переславского книжника, внесшего в памятник подробности местной историко-церковной географии и уточнившего детали событий и биографии Михаила Черниговского [Усачев, с. 219–221]. Н. А. Поньрко предполагает, что автором описания Чуда об исцелении князя Михаила Черниговского в Житии Никиты Переславского был митрополит Афанасий [Поньрко, с. 307–308]. Выше мы уже писали, что Афанасий (вероятно, происходивший из Переславля) участвовал вместе с царем Иваном Грозным в освящении нового собора Никитского монастыря. Вполне логично предположить, что специально к этому случаю в окружении митрополита и была составлена иконографическая программа житийной иконы Никиты Переславского (что, на наш взгляд, косвенно свидетельствует и в пользу причастности Афанасия к составлению Основной редакции Жития).

Исходя из этого предположения и руководствуясь текстом Основной редакции Жития, мы можем реконструировать сюжеты недостающих композиций. Известно, что клейма житийных икон читаются «построчно» слева направо. То есть сюжеты практически утраченных правых боковых клейм иконы должны следовать за сюжетами левых боковых клейм. Таким образом, верхним правым боковым клеймом должно быть изображение устройства Никитой колодца со святой водой, обладающей целительной силой. На остатках красочного слоя, кстати, читаются контуры символического изображения такого колодца. Во втором сверху боковом клейме, вероятно, было изображено принесение монашеского посоха Никиты Столпника в стан князя Михаила Черниговского. В третьем клейме — воздвижение Михаилом Черниговским деревянного креста на месте своего исцеления. Среди остатков живописи этого клейма угадывается персонаж в ярко-красном одеянии. В платье такого же цвета изображен князь Михаил Черниговский на левом клейме, расположенном на одном уровне с описываемым.

Изображения на четырех из пяти нижних клейм практически не читаются. На трех из них красочный слой утрачен на 80%. Сохранившиеся детали композиции второго слева клейма позволяют предположить, что здесь было изображение первого посмертного Чуда, связанного с неудачной попыткой митрополита Фотия обрести мощи Никиты Столпника. На это указывает изображение черных небес (потемнение неба и поднявшаяся буря прекратили раскопки могилы Никиты). Согласно логике текста Жития, в следующих трех клеймах иконописец должен был изобразить Чудо о святой воде из Никитского колодца, касающееся семьи Ивана Грозного, Чудо об исцелении дьякона Евстафия и Чудо о пономаре-чародее Иоакиме, закончившем свою грешную жизнь в страшных муках возле Никитского храма, где находилась гробница преподобного. К сожалению, житийные иконы Никиты Столпника этого же или немного более позднего времени с абсолютно аналогичной композицией клейм, видимо, не сохранились, что не дает возможности полной верификации предлагаемого нами варианта реконструкции иконографии утраченных фрагментов. Однако зависимость иконографии рассмотренного нами раннего житийного образа Никиты Переславского от текста новых редакций его жития, составленных в середине — второй половине XVI в., несомненна.

Предпринятое нами исследование показывает, что различные типы иконографии Никиты Столпника Переславского складывались в процессе формирования его государственного культа на протяжении конца XV и всего XVI столетия. В этом процессе приняли участие не только представители великокняжеской и царской династии и церковная власть, но и видные книжники того времени, а также иконописцы и золотошвеи. Изучение особенностей почитания Никиты на основе анализа иконографии его моленных образов позволяет приблизиться к пониманию специфики процесса развития культов общерусских святых в ходе укрепления духовных основ русского централизованного государства.

Литература

- Антонова В. И. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове // Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. М., 1958.
- Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- Братко Ю. П. Шитые изображения Никиты Столпника и преподобного Даниила, Переславских чудотворцев, в собрании ПЭМ // Убрус. 2008. № 9–10. С. 23–26.
- Вздорнов Г. И. Феофан Грек. М., 1983.
- Воронин Н. Н. Переславль-Залесский. М., 1948.
- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1904. Т. 1. Вторая половина тома.
- Горшкова В. В., Федорчук А. В. Ярославские иконы XIII–XVI веков // Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Т. 1. Иконы XIII–XVI веков. [Б. м.], 2002.
- Ильинский П. В. Переславский Никитский монастырь и его подвижник Преподобный Никита Столпник // Переславский Никитский мужской монастырь. Его прошлое и настоящее. М., 2008. С. 3–43.
- Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
- Клевецова Р. И. Традиция почитания ростовских святых при московском великокняжеском и царском дворе в XIV–XVII веках // Художественные памятники Московского Кремля / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2003. Вып. XVI. С. 48–52.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник // Ключевский В. О. Православие в России. М., 2000.
- Кунцевич Г. З. Житие св. Никиты Переяславского // ЖМНП. 1902. Май. С. 1–7.
- Кунцевич Г. З. Житие св. Никиты Столпника Переяславского. Чудо 19-е и 20-е. СПб., 1902.
- Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. СПб., 1868. Т. 3; СПб., 1870. Т. 6. Кн. 1; СПб., 1898. Т. 8. Кн. 3.
- Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 2.
- Маясова Н. А. Древнейший покров митрополита Ионы // Древнерусское художественное шитье / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 1995. Вып. 10. С. 26–38.
- Мельник А. Г. Иван Грозный и святой Никита Переславский // Родина. 2011. № 12. С. 67–69.
- Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2008.
- Петрунин Ю. Ю. На кого равняться российскому чиновнику: социокультурные архетипы государственной службы // Университетский гуманитарный лицей МГУ. Ученые труды. М., 2005. С. 61–72.
- Понырко Н. В. Житие Никиты Столпника Переяславского // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 307–310.
- Свирилин А. И. Житие преподобного отца нашего Никиты Столпника Переславского чудотворца и описание святынь Никитского монастыря. Переславль, 1886.
- Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.
- Смирнов М. И. Переславль-Залесский. Исторический очерк 1934 г. Переславль-Залесский, 1996.
- Станюкович А. К. Исследование гробницы преподобного Никиты Столпника Переславского // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 108–111.
- Сукина Л. Б. Святой князь Борис и Переславский Никитский монастырь — один из древнейших в Ростовской земле // Ростов Великий: имена, события, судьбы. М., 2012. С. 15–23.
- Тихонравов К. Н. Никитская каменная шапка (в Переславле) // Владимирский сборник. М., 1857. С. 95.
- Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. К четырехсотлетию уникального памятника русской культуры. М., 1979.
- Толстая Т. В. Формирование художественного убранства интерьера Успенского собора Московского Кремля в конце XV — начале XVI века. Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1992.
- Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.
- Ушаков Н. Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913.
- Федотова М. А. Краткая редакция Жития Никиты Столпника Переяславского // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 289–300.
- Федотова М. А. Житие Никиты Столпника Переяславского (рукописная традиция Жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 309–331.
- Федотова М. А. К вопросу о Житии Никиты Столпника Переяславского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 366–383.